

14 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Коммерсантъ

У «ВЛАСТИЛИНЫ» БЫЛО ДВЕ «КРЫШИ» — МИЛИЦЕЙСКАЯ И БАНДИТСКАЯ. ОБЕ СЪЕХАЛИ

Журнал "Огонёк" №20 (<https://kommersant.ru/ogoniok/81647>) от 24.05.1998, стр. 6

У «ВЛАСТИЛИНЫ» БЫЛО ДВЕ «КРЫШИ» — МИЛИЦЕЙСКАЯ И БАНДИТСКАЯ. ОБЕ СЪЕХАЛИ

(<https://im.kommersant.ru/Issues.photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-22-1b.jpg>)

В полумраке реутовского городского Дома культуры завхоз Володя грозил телевизионщикам сорвать съемку: «Свет в зале включать не буду, не надейтесь. Нету денег на электричество!».

Зал тонул во тьме. Освещена была только сцена. И решетчатая клетка на ней. Для Соловьевой Валентины Ивановны — прораба печально знаменитой финансовой пирамиды «Властилина».

Соловьева принимала вклады у населения под невиданные дивиденды. Ее клиенты могли приобрести в рассрочку легковые автомобили за 30 — 70% стоимости, а также квартиры в Москве и Подмосковье по столь же низким ценам.

В начале 90-х годов в Подольск, где работала фирма, ехали со всей страны — из Сибири, с Урала и Сахалина, с юга и севера. Оборот приблизился к немислимой цифре — 100 миллиардам рублей! Но осенью 1994 года «Властилина» внезапно приказала долго жить, задолжав вкладчикам триллионы. В октябре 1994-го прокурор Подольска возбудил уголовное дело против Соловьевой — за уклонение от уплаты налогов и мошенничество. Через две недели Соловьева исчезла, ее арестовали лишь полгода спустя, 7 июля 1995-го. Вялотекущий суд начался год назад. Он то прерывается, то возобновляется вновь.

Я приехал в ДК подмосковного городка Реутово, на сцене которого проходят судебные заседания, незадолго до начала очередного. Все были в сборе. Не хватало только самой Властилины. Наконец с улицы донесся рев милицейских сирен и на сцене в окружении омоновцев, увешанных всеми возможными стрелялками вплоть до гранатометов, появилась Соловьева.

Мы разговаривали с ней два дня кряду, в паузах между судебными заседаниями.

«Бабенка я из народа...» (<https://im.kommersant.ru/Issues.photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-24-1b.jpg>)

— Почему вы назвали свою фирму «Властилиной»?

— Моя бабушка была белорусской цыганкой. Любила она меня очень и называла ласково по-белорусски Властой, то есть ласточкой. Поэтому я назвала фирму «Властилиной».

— А почему именно Подольск выбрали?

— Я прожила тут 17 лет. Люблю этот город. Меня здесь знают как добропорядочную женщину со связями, в первую очередь с руководством Подольского электромеханического завода. Еще в 1992-м его директор предложил мне снабжать завод товарами. Я поставляла им все, вплоть до мяса и молока. А затем, уже в 1993-м, стала работать самостоятельно.

— А ваше социальное происхождение?

— Бабенка я из народа. Родилась на Сахалине в семье военнослужащего. Мама не работала. Было трудно. Потом отец переехал служить в другую часть. Перебрались в Самару, к бабушке... Училась неплохо, занималась танцами, музыкой. В 17 лет выскочила замуж. Поехала поближе к Москве, в Подольск.

— Получили высшее образование?

— Не до того было. В 19 лет родила первого ребенка. Надо было зарабатывать на жизнь. Устраивалась там, где лучше было для семьи. Окончила бухгалтерские и разные другие курсы.

У меня дочь (ей 28), сын (ему недавно исполнилось 22 года) и две внучки. Мужа я лишилась, уже находясь в тюрьме. Официальная версия — самоубийство, но я в нее не верю. Меня даже не отпустили на его похороны, сообщили о его смерти значительно позже. Могли бы и дать попрощаться, тем более что похоронен он здесь поблизости, на Рязанском шоссе...

«Муж слишком много знал» [_ \(https://im.kommersant.ru/Issues.photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-24-2b.jpg\)](https://im.kommersant.ru/Issues.photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-24-2b.jpg)

— Считаете, вашему мужу помогли уйти из жизни?

— Он слишком много знал. Его и убрали. Вспоминаю 1993 год. Тогда нас насильственно вывезли в один из банков и заточили там. Мне под благовидным предлогом удалось спустя некоторое время ускользнуть от похитителей. А мужа они привезли пьяного и бросили мне под дверь. Я обратилась за помощью в ГУВД Москвы. Было возбуждено уголовное дело, но очень скоро его прекратили. Слишком влиятелен был банк.

— Что за банк?

— «Синектик-банк». Он тогда относился к очень крупным. Сейчас бывший директор этого банка, кажется, в Германии.

— Зачем они похитили вас?

— Чтобы заключить договор со мной под выгодные для банка проценты.

— Вас силой принудили подписать договор?

— Дело дошло до пыток. Мне говорили: «Если не подпишешь, привезем тебе головы твоих детей». И я подписала. Поэтому они мне вернули мужа. Если бы отказалась, трудно сказать, чем все кончилось бы.

— Вы представляете опасность для определенного круга высокопоставленных лиц. Почему вас просто не убрали?

— А какой смысл? Все следы влиятельные структуры и люди из них уже скрыли. Они теперь как бы ни при чем. Народу же надо показать, что государство печется о пострадавших рядовых вкладчиках. Нужен, словом, крайний. То бишь я. Но опасности своего физического устранения я все же не исключаю. Не раз получала угрожающие записки. Помалкивай, мол, лишнего не говори.

Однажды мой бывший адвокат Людмила Ключник приходит в СИЗО и сообщает: «Валентина Ивановна, если ты не отдашь генералу, который меня прислал, 500 тысяч баксов, бритоголовые подвешат твоих детей за ноги в лесу». Я ее так турнула, что она враз вылетела.

«Рушайло приносил мне цветы» [_ \(https://im.kommersant.ru/Issues.photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-24-3b.jpg\)](https://im.kommersant.ru/Issues.photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-24-3b.jpg)

— Вы чувствовали давление криминального мира?

— Не только криминального, но и правоохранительного. В 1994 году моя фирма подверглась нападению московских руоповцев, которыми тогда руководил небезызвестный Рушайло. 85 человек из РУОПа стояли у нас в очереди на получение автомобилей «Ока». Предприятие, с которым у меня был договор на поставку этих машин, не смогло уложиться в сроки. Объяснив в чем причина и извинившись за задержку, я попросила милиционеров подождать всего-то денек. Но это их не устроило. Они ворвались в помещение моей фирмы, учинили там дебош, зверски избili охранников.

По факту нападения было возбуждено уголовное дело. Но потом, как и в случае с моим похищением, его прекратили. Непонятно, кто и по каким мотивам. А машины руоповцы получили, Рушайло даже приехал ко мне с извинениями за инцидент и с цветами.

Милиционеры превратили мою фирму в кормушку. Чуть что не так, сразу с проверкой. Да не одни, а с налоговой полицией. Я шла им во всем навстречу. У меня консультантом в фирме был пристроен начальник подольской налоговой полиции Тихомиров.

Курьеров из МВД было просто море. Они привозили деньги от целых управлений МВД, ГУВД. Стоит ли удивляться, что многие документы в ходе следствия куда-то испарились? Например, из моего офиса в последний день работы. В частности, исчезла папка с документами на получение партии «Мерседесов», которые находились на одной из моих стоянок. Говорят, впоследствии эти машины были переданы тому же МВД.

— А кто хозяйничал в офисе в тот день? Рассказывают, оттуда выносили какие-то коробки, куда-то их увозили...

«Куликова интересовал компромат» [_\(https://im.kommersant.ru/Issues_photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-24-4b.jpg\)](https://im.kommersant.ru/Issues_photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-24-4b.jpg)

— Это местная подольская милиция. Я говорила об этом теперь уже бывшему министру внутренних дел Куликову в присутствии его зама Колесникова в 1996 году, когда была в СИЗО «Капотня». Меня вывезли оттуда на встречу с министром. Разговор был записан на видеопленку, но запись так и не приложили к материалам дела. Министр интересовался не сутью дела, не пострадавшим народом, а компроматом на высокопоставленных чиновников.

— Каким оказался результат разговора?

— Никаким. Министр пообещал разобраться. На этом все кончилось.

— Как вы строили свои отношения с высокопоставленными вкладчиками?

— Сначала они приезжали сами, знакомились, показывали свои лампасы, а потом присылали курьеров.

— Крах фирмы стал для вас полной неожиданностью?

— Я не верила до последнего. 7 октября против меня возбудили уголовное дело. Приходят и говорят — нужно вернуть 68 миллионов. Копейки, словом. Я говорю: верну, все будет нормально. Мне ответили, что дело, по сути, еще не возбуждено, лежит под сукном. И чтобы там и лежало, попросили рассчитаться в первую очередь с клиентами из Генпрокуратуры.

— Как делу дали ход?

— Мне договорники должны были огромные средства. Отдавать они не захотели или не смогли — вот и решили списать все на меня. Уже в ходе следствия я обратила внимание: как только назову фамилию конкретного должника-договорника, так документы на него тут же исчезают.

«Исчезли бумаги с подписью шумейко» [_\(https://im.kommersant.ru/Issues_photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-25-1b.jpg\)](https://im.kommersant.ru/Issues_photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-25-1b.jpg)

— Кто из ваших вкладчиков был самым высокопоставленным?

— Вклады несли все, вплоть до сотрудников администрации президента. Они это делали через одного из советников, который вдруг странным образом скоропостижно скончался после моего ареста. Начальник охраны президента Коржаков был моим вкладчиком. Павел Грачев — ближайший друг семьи певицы Нади Бабкиной, мы с ней вместе отмечали дни рождения. Вот такие завязки были.

— В СИЗО у вас была встреча с адвокатом Владимира Шумейко. О чем разговаривали?

— О том, что однажды ко мне поступили два документа от нефтяных структур с просьбой принять у них под проценты деньги. На бумагах стояли подписи с резолюцией Шумейко: «Прошу принять». На что адвокат Шумейко мне сказал, что его клиент никогда не просил за нефтяников, что подпись на бумагах поддельная. Может, это и так, но почему в таком случае документы с визами Шумейко пропали из дела?

«Кобзон познакомил с силвестром, и тот стал моей «крышей»

(<https://im.kommersant.ru/Issues.photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-25-2b.jpg>)

— Неужели никто из влиятельных вкладчиков не помог вам?

— Очень помог Кобзон. На него по моей просьбе вышла Надежда Бабкина. Он меня познакомил со знаменитым воровским авторитетом Силвестром. Сказал, что Сергей Иванович меня будет охранять. Сейчас, правда, Кобзон от этого отрекается. Говорит, что ничего не было. Нет, было!

— Почему же вас при двух таких мощных «крышах» сдали?

— Я стала выступать, требовать, чтобы мне вернули деньги. А оказывается, надо было всего-навсего скрыться, уехать за границу и не показываться никому на глаза. Тогда не сидела бы в тюрьме.

— Вы были на короткой ноге с Аллой Пугачевой. Что ж вы ее не предупредили, что фирма разваливается? Из-за этого у Аллы сгорели 1 миллион 750 тысяч долларов — эти деньги она надеялась удвоить с вашей помощью.

— Я же не думала о таком конце. А об Алле у меня осталось хорошее мнение. Она приезжала ко мне домой с Филиппом даже в 95-м, когда я находилась «в бегах». Она ходила после этого разговора к министру Куликову, просила за меня. Потом, уже в неволе, я получила от нее записку: «Держись! Все будет нормально!»

— Какой показала вам российская эстрадная элита?

— Я восхищалась ей. И лишь в заточении поняла, что многих звезд я идеализировала. В частности, Кобзона. Да, он помог получить надежную «крышу». Но она была ведь бандитской! И я ей платила.

Обе мои «крыши» между собой тесно связаны. В милиции работает немало таких, кто сотрудничает с криминальным миром. Бандиты имеют правоохранительные «корочки» и табельное оружие. Подчас и не разберешь, кто перед тобой — то ли бандит, то ли человек из органов.

Я один раз вызвала наряд из УВД, чтобы призвали к порядку бандитов. А те показали милиционерам свои документы и со смехом уехали. Потом мне пришлось откупаться за причиненное «беспокойство».

«Никто меня не искал»

(<https://im.kommersant.ru/Issues.photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-25-3b.jpg>)

— Более полугода вы скрывались от следствия. Где прятались?

— Никто меня не искал. В правоохранительных органах мне сказали, что надо временно скрыться, и назвали четыре телефона, по которым я регулярно давала им о себе знать. Я эти номера до сих пор храню.

Я спрятала детей, а сама начала звонить, чтобы как-то решить проблему, получить возможность работать дальше. Жила все это время в Москве, принимая меры, чтобы выжать деньги из договорников. Регулярно ставила в известность о своих действиях следствие. Не раз встречалась с представителями руководителя следственной бригады.

— Говорят, пока вы находились на «нелегальном» положении, к вам приезжали сотрудники милиции, надеясь выколотить остатки своих личных вкладов?

— И не один раз. Привозили подчас по 40 — 60 квитанций. Отдавай, мол, деньги, иначе окажешься за решеткой. Нет, говорю, давайте из той ямы, в которой мы

оказались, вместе вылезать. Для начала хотя бы откройте мои арестованные счета, начну работать — со всеми рассчитаюсь.

Накануне ареста Ассоциация, поддерживающая моих вкладчиков, решила рассчитаться с шахтерами. Они получали машины. Строго по списку. В этот день должен был получить машину и генерал из РУОПа, представитель тех сил, которые контролировали и опекали меня. Генерал захотел получить машину без очереди, но шахтеры, народ горячий, выбросили его на улицу. Генерал, естественно, разъярился и отдал команду о моем аресте. Пора, дескать, брать. И взяли. Это было в пятницу. Меня привезли в ГУВД, а там говорят: «Ты чего влезла? Тебе спокойно не жилось?..»

Вместо занавеса

Кажется, кто-то специально придумал устроить суд на сцене. Чтобы подчеркнуть, что разбирательство дела о пропавших триллионах не более чем спектакль. И интервью Соловьевой «Огоньку» — часть спектакля. Послушаешь ее — ну чем не невинная жертва? А ведь знала, на что шла. И что обманет в конце концов своих вкладчиков — не могла не понимать.

Спектакль «Процесс Соловьевой» идет в ДК потому, что в суде разруха: обваливается штукатурка с потолков, канализацию прорывает. Председатель реутовского городского суда Юрий Дегтярев согласился вести дело Соловьевой в надежде поправить хозяйство. Но ошибся: «Когда я прихожу в Минюст и начинаю просить деньги на процесс, там за голову хватаются: ты с ума сошел?» Процесс, которому идти еще лет десять, съедает за месяц годовой бюджет целого отдела Минюста. Если хоть половина из вызванных в суд свидетелей (повестки были отправлены восьми с лишним тысячам адресатов) приедет в Реутово, суд разорится, ибо по закону должен оплатить приехавшим проживание в гостинице, суточные и проездные.

Поэтому завхоз Володя свет и не включает.

Павел НИКИТИН

Кстати

Среди пострадавших вкладчиков примерно 50% составляли пенсионеры и студенты, 40 — 45% — рабочие и госслужащие со средними доходами. Около 5% жертв «финансовых пирамид» — люди с высокими сбережениями (кооператоры, сотрудники частных и полугосударственных фирм, «челноки», звезды эстрады). На сегодня в России не возвращено частным вкладчикам «финансовых пирамид» около 50 — 60 трлн. «старых» рублей (около 10 млрд. долларов). Возвратить удалось не более 30 млн. долларов, то есть 2 — 3% вложенных средств.

ИГРА «НА ЛАПУ».

Несколько свидетельств соучастия российского государства в обмане вкладчиков в 1992 — 1995 годах.

(<https://im.kommersant.ru/Issues/photo/OGONIOK/archive/common/archive/1998/4555/20-22-26/20-26-1b.jpg>)

1. Подавляющее большинство банков или фирм, в начале 1992 года начавших привлекать средства частных вкладчиков, не имели лицензии на этот вид деятельности. Это давало государственным органам повод сразу же пресечь деятельность любой подобной организации. У банка «Чара» лицензию отобрали... через полтора года после прекращения им выплат по вкладам; это дало возможность скрыть остатки денег, закончить реконструкцию двух элитных домов в центре Москвы.
2. В течение трех лет «финансовые пирамиды» выполняли роль своеобразных касс взаимопомощи, позволявших гражданам страны сводить концы с концами в условиях гиперинфляции. Но когда концентрация капиталов в «финансовых пирамидах» привела к резкому оттоку средств с частных счетов в Сбербанке, государство пошло в атаку. Под давлением налоговой службы, Антимонопольного комитета и прокуратуры, начавших проверки «финансовых пирамид», вкладчики начали забирать оттуда свои средства, что привело к лавинообразному банкротству этих структур.
3. Частные вкладчики не в состоянии были быстро добиться ареста счетов фирм-обманщиц. Они должны были обращаться в гражданский суд для вынесения соответствующего решения, но это требовало времени. В итоге до получения исполнительных листов проходило не менее полугодя, за которые руководство компаний успевало все средства перевести на счета подставных фирм, обналичить их и скрыться. Необходимые дополнения в Гражданско-процессуальный кодекс оперативно внесены не были.
4. Арбитражные суды под разными предлогами отказывались принимать иски, особенно от юридических лиц и объединений вкладчиков (например, Арбитражный суд Москвы долгое время не принимал иски к «Чаре» под предлогом неверного оформления документов). Ведь для юридического лица вероятность получения денег по исполнительным листам намного выше, чем для частного вкладчика.
5. Даже в юридически простых случаях хищения средств вкладчиков (пример: руководители фирмы «Финфортрейдинг» тратили их на приобретение личных машин и дач) государство заняло позицию наблюдателя. Исполнительные листы по подобным делам лежали в судах месяцами, а потом возвращались истцам с отметкой о невозможности их исполнения.

6. Об обмане вкладчиков вспомнили только в канун выборов в Госдуму осенью 1995 года. В их преддверии был создан общественно-государственный Компенсационный фонд, который был призван отыскать укрываемые средства и имущество. После выборов выяснилось, что работа Фонда не имеет достаточных законодательных оснований.

7. Сегодня по подавляющему большинству «финансовых пирамид» ведется следствие. Но все эти уголовные дела были заведены спустя длительное время после прекращения компаниями работы, хотя ничто не мешало возбудить многие из них немедленно.

8. Созданный в 1996 году Федеральный общественно-государственный фонд по защите прав вкладчиков и акционеров, учредителями которого стали Госкомимущество и Федеральная комиссия по ценным бумагам, должен был выплачивать компенсации — на эти цели отпускалось 2% средств, получаемых от приватизации любого госпредприятия в России. Только от приватизации «Связьинвеста» Фонд получил на эти цели 222 миллиарда «старыми». На сегодня Фонд выплатил вкладчикам всего 300 миллионов рублей. При этом средняя зарплата сотрудников Фонда составляет от 7 до 9 миллионов рублей.

9. В редких случаях, когда дело удавалось довести до суда и добиться помещения глав компаний-обманщиц под стражу, это не давало вкладчикам даже морального удовлетворения. Пример — осуждение на несколько лет условно руководителей фирмы «Импульс-Инвест», обобравших население на несколько миллиардов.

Сергей КАМОВ

Фото М. Штейнбока, Л. Кудрявцевой, Фото-Новости

На фото:

«Министр МВД Куликов пообещал разобраться. На этом все и закончилось».

«На Кобзона меня вывела моя подруга, певица Надежда Бабкина».

«Генерал Грачев тоже был моим вкладчиком, как и генерал Коржаков».

«На документах стояли подписи с резолюцией Шумейко: «Прошу принять».

«От Пугачевой я в неволе получила записочку: «Держись! Все будет нормально!»

«Я идеализировала Кобзона. Его «крыша» оказалась бандитской, и я ей платила».